

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 17.023.32:316.7

Е. В. Свечникова

Дискурс о нации: история и современность

Теоретически осмысливается нация как сложный социокультурный феномен, основа национальной идентичности. Рассматриваются историческая динамика понятия «нация», дифференциация подходов к его определению в рамках этнической, гражданской, символической парадигм. Раскрываются символический и аксиологический аспекты формирования национальной идентичности.

В контексте современных социокультурных процессов, в ходе которых культуры интенсивно взаимодействуют и начинают нивелироваться культурные различия, национальная идентичность предстает как сложное социально-культурное явление, объединяющее граждан посредством общего исторического опыта, ценностей и символов, способствующее сохранению культурной уникальности, устойчивости культуры и общества.

Ключевые слова: нация, национальная идентичность, культурная идентичность, ценности, государство, идеология, символ, дискурс, язык.

E. Svechnikova

Discourse on the Nation: History and Modernity

The nation is viewed as a complex sociocultural phenomenon, the foundation of national identity. The author examines the historical dynamics of the concept of "nation" and the differentiation of approaches to its definition within the ethnic, civic, and symbolic paradigms. The article explores the symbolic and axiological aspects of the formation of national identity.

In the context of modern social and cultural processes, during which cultures interact intensively and cultural differences begin to be leveled, national identity appears as a complex social and cultural phenomenon that unites citizens through common historical experience, values and symbols, contributing to the preservation of cultural uniqueness and the sustainability of culture and society.

Keywords: nation, national identity, cultural identity, values, state, ideology, symbol, discourse, language.

Базовыми инструментами исследования национальной и культурной идентичности являются используемые автором общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) и подходы (системный,

культурологический и аксиологический). Теоретической базой изучения данной проблемы стали работы Э. Хобсбаума [11], В. А. Тишкова [10], Е. М. Бабосова [3], Н. А. Бердяева [4], Ф. Гваттари и Ж. Делёза [7], А. В. Шлякова [12], М. Вебера [5], Б. Андерсона [1], А. В. Лукиной [8] и др.

Цель статьи – определить современное понимание нации как социокультурного феномена, имеющего важные символические и аксиологические аспекты. В ходе исследования прослеживается историческое развитие дискурса о нации.

Нация – (от лат. «natio», «племя», «народ») моно- или полиэтничная политическая общность, обладающая государственностью и культурной спецификой. Широко распространено толкование нации как совокупности граждан одного государства, объединенных общим языком, культурой, историей и территорией. Это понимание сформировалось в западноевропейской политико-философской мысли в конце XVIII – начале XIX в.

Понятие «нация» использовалось еще в Древнем Риме, но его значение отличалось от современного и менялось с течением времени. Первоначально слово «нация» обозначало небольшую этническую группу (племенное сообщество), затем – жителей одной территории. И лишь столетия спустя под «нацией» стали понимать людей, объединенных общими происхождением, историей, языком, религией и проживающих на одной территории.

Согласно концепции британского историка-марксиста Э. Хобсбаума, в XVIII в. начался процесс осмысления нации как элемента культуры и цивилизации («изобретение нации») [11]. В эпоху Просвещения трактовки нации множились: Э. Ж. Сийес высказал предположение, что нация – общество людей, управляемых общим законом и «представленных общим законодательным учреждением» [цит. по: 2, с. 103–105]; И. Г. Гердер полагал, что нация представляет собой «прочную, постоянную естественную систему многообразнейших живых сил», при этом все черты материальной и духовной культуры нации взаимосвязаны и предопределены ее историей (предопределены «генетически») [6, с. 467, 469].

В XVIII–XIX вв. развивались религиозные телеологические концепции национальной истории и соответствующее понимание нации и ее предназначения. Вне религиозной доктрины сформировалось понимание нации как коллективного субъекта власти, что нашло отражение в идеях Великой французской революции.

В XIX в. под влиянием трудов немецких романтиков и русских славянофилов формируется представление о нации, обладающей некой особенной «национальной душой», специфическим менталитетом – коллективным антропоморфизированным субъектом.

В конце XX в. концепт «нация» стал восприниматься как неактуальный идеологический и социальный конструкт: по-видимому, сказалось влияние идеологий интернационализма, космополитизма, мондиализма, глобализма. Ожидалось, что скоро произойдет «паралич национальных государств». В 1977 г. президент Римского клуба А. Печчеи писал о том, что национальные интересы как интересы локальных сообществ «не соответствуют долгосрочным интересам всего мира», цели формирования справедливого равноправного мирового сообщества [9, с. 170–171].

Таким образом, идея нации соответствует развитию общества и видоизменяется со временем, отвечая различным аксиологическим парадигмам. Понятие нации исторически изменчиво.

Э. Хобсбаум, автор известной работы о конструировании понятия «нация» («Нации и национализм...»), поставил вопрос о том, является ли понятие «нация» субъективным или объективным [11, с. 17]. Ученый отметил зависимость процесса национальной самоидентификации от воли субъекта, от произвольного выбора им принадлежности к определенной «нации» или «национальности» [Там же, с. 16]. Как показали исследования М. Вебера, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона, В. А. Тишкова и др., основания для определения нации и соотнесения с ней индивидуума настолько подвижны и флюидны, что к концу 90-х гг. XX в. возникло понимание того, что «нация» не является научной операциональной категорией.

Вопрос о сложности однозначного определения феномена нации поднимался неоднократно в течение XX в. и дискутируется по сей день. Так, философ Н. А. Бердяев считал, что нация в отличие от народа, который реален (народ – это люди), представляет собой принцип, номинальное понятие. Отмечая смысловую неопределенность понятия «национальность», в 1918 г. он писал: «Природа национальности неопределима ни по каким рационально-уловимым признакам. Ни раса, ни территория, ни язык, ни религия не являются признаками, определяющими национальность, хотя все они играют ту или иную роль в ее определении» [4, с. 97–98].

Культуролог А. В. Лукина, исследующая социокультурные технологии формирования национальной идентичности, утверждает: «Представление о том, что нация обладает объективными характеристиками, как то: территория, язык, общность хозяйства, психологический склад или национальный характер, достаточно спорно в связи с тем, что ни одна из дефиниций не работает по причине многочисленных исключений из правила» [8, с. 239]. Действительно, невозможно определить признак-константу, который был бы неотъемлем от феномена нации: существуют нации, не объединенные государством (например, австрийские и германские немцы), и полиэтнические нации в одном государстве (США, Швейцария); один государственный язык (английский) не де-

лал едиными нации британцев, пакистанцев и австралийцев; есть народы, которые говорят на двух разных языках (например, мордва говорит на эрзянском и мокшанском языках; народ убанг в Нигерии говорит на двух лексически различных языках – мужском и женском); существуют страны с несколькими государственными языками (в Боливии официальными являются 37 языков, в Индии 22 языка, в Южно-Африканской Республике 12 языков). Нет единой религии у единой китайской нации – распространенными религиями в Китае являются даосизм, буддизм, а часть населения исповедует ислам и христианство; народ моноэтнического Ливана исповедует ислам и христианство (причем век назад представителей этих религий было поровну) и т. д.

Территория того или иного государства также не является неизменным фактором, «ибо почти каждая нация на Земле – рано или поздно, далеко или близко – переселялась по крайней мере однажды за все свое существование» [6, с. 366]. В истории есть примеры политического разделения одной нации на несколько государств (например, разделение Китая на материковый (КНР) и Тайвань (Китайская Республика), Кореи – на КНДР и Республику Корею, Германии – на ФРГ и ГДР и т. д.). Все эти факты показывают, что понятие «нации» относится к символическому измерению.

Не случайно немецкий философ и социолог М. Вебер во втором десятилетии XX в. писал о том, что понятия коллективных структур (к которым он относил и нацию, и всех носителей определенной идеологии, называя их «воображаемой ассоциацией») есть представления людей об этих структурах как о чем-то реально существующем [5, с. 76, 124]. Б. Андерсон описал нацию в книге «Воображаемые сообщества...». Он считал, что нация является «воображаемым сообществом» или «воображенным политическим сообществом», которое воображается чем-то неизбежно ограниченным (например, границами) и суверенным. По Б. Андерсону, нация – это сообщество воображенное, поскольку члены нации не знают большинства ее представителей, но ощущают с ними общность [1, с. 31].

Британский историк и политолог, исследователь национализма Х. Сетон-Уотсон пришел к выводу, что «...никакого “научного определения” нации разработать нельзя» [цит. по: 1, с. 28].

Дискурс о сущности нации развивается, раскрываются новые аспекты, связанные с глобализационными изменениями и развитием новых технологий, влияющих на национальную идентичность.

Нацию скрепляет осознание коллективной общности, подразумевающее процесс самоидентификации и самоотождествления человека с определенной группой – этносом, нацией. Доктор философских наук, академик Е. М. Бабосов характеризует идентичность как социальное качество и результат процесса идентификации: «Идентичность – это та-

кое социальное качество, которое является результатом сознательного и эмоционального самоотождествления индивида с другими людьми, социальной общностью или идеалом путем избирательного и внутренне согласованного движения потоков информации о нем самом как единстве личностного и одновременно социального взаимодействующего с другими личностями и общностями» [3, с. 5]. Процесс отождествления субъекта и национальной общности сопровождается интернализацией ключевых ценностей, особенностей менталитета, традиций, элементов картины мира – то есть освоением культуры, инкультурацией.

Национальная идентичность формируется на основе культуры в ее пространственно-временных границах и таких ее элементов, как язык, этнос, традиции, искусство (литература, изобразительное искусство, архитектура, театр, киноискусство и др.); включает культурные и идеологические конструкты (ценности, нормы, групповые убеждения, моральные и социальные конвенции, этнические стереотипы, мифологемы и мифы, в частности, миф о происхождении), мировоззренческие смыслы, и, наконец, скрытые ментальные концепты. Нация выступает как ценность и способствует укреплению единства граждан государства. Таким образом, национальная идентичность формируется на основе как рациональных, так и эмоциональных компонентов, включая ценностные. В условиях сложных конкурентных политических и культурных взаимодействий государств мира национальная идентичность служит основой устойчивости общества, опорой, помогающей сохранить культурный и ценностный суверенитет.

Следует отметить, что в настоящее время не существует стопроцентно моноэтнических государств, каждую нацию образуют несколько этносов, мультикультурность является характерной особенностью обществ современного типа. Поэтому единство национальной общности может основываться не только на этнической, национальной, но и на гражданской и культурной идентичности.

Нацию формируют такие символические феномены, как религия и мифы, язык, ценности, картина мира. Важную роль играют и символические культурные объекты: официальная символика, национальный гимн, национальный флаг, национальные цвета, культурные символы, ассоциирующиеся с природой и культурой страны, доминирующим этносом, а также объекты историко-культурного наследия.

Общность нации поддерживается с помощью идеологии, воздействия системы образования и СМИ, национальной правовой системы как свода общеобязательных норм и ценностей. Национальное единство поддерживается рядом символических практик, например ритуалами (приветствие флага, исполнение гимна, возложение цветов на могилу национального героя и т. п.) и мифологизацией: легитимацией, основанной на удревнении своего происхождения, приписывании особого

благородного происхождения (от богов или великих царей, или воинственных и мужественных народов и племен), идеализацией нации как высоконравственной, исключительной (в таком случае может использоваться мессианский миф об особой роли, отведенной Богом данной нации – носителю высшей истины).

Национальная идентичность формируется с помощью самообраза нации, который создается и транслируется различными акторами в рамках профессиональной деятельности (журналистами, политиками, писателями, учеными и т. д.) и в повседневном общении. Предположительно, национальная идентичность формируется на стыке двух картин мира и двух национальных нарративов – первый создается интеллектуальной элитой, второй существует на уровне обывательской культуры, идет «из народа», связан с народной культурой и не всегда анализируется (то есть нуждается в экспликации).

Существует определенный гуманитарный дискурс, который конструирует национальную идентичность и выступает как коммуникативный феномен, имеющий культурный контекст. Как справедливо утверждает А. В. Лукина, «...научный дискурс о нации можно рассматривать как средство формирования национальной идентичности» [8, с. 240].

Чувство сопричастности большой национальной общности вдохновляет ее членов на альтруистические поступки и самопожертвование. «Независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут существовать, нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество», – пишет британский политолог и социолог Б. Андерсон [1, с. 32]. Процесс формирования гражданской лояльности (приверженности и преданности граждан своей стране) управляем: государства мира предпринимают усилия по формированию патриотизма или общегражданского национализма у населения, создают идеологические доктрины, объединяющие народ, поддерживают традицию государственных общенародных праздников, символизирующих национальное единство; сохраняют историческую память, вовлекают молодежь в создание патриотических творческих работ: песен, стихов, эссе, картин, музыкальных клипов, видеофильмов, социальной рекламы об истории страны, ее достижениях, ее официальных символах, о правах и свободах граждан и о главном законе, который их гарантирует, – Конституции. Отношение к стране и нации содержит эмоциональный компонент и может выступать как фактор, воздействующий на деятельность индивида (политическую, профессиональную и др.). Формирование лояльного отношения населения к своей стране направлено на сохранение ее суверенности, идеологической независимости, своеобразия национальной культуры, трансляции национальных традиций и сбережения историко-культурного наследия.

Понятия «нация», «национальность», «национальная идентичность» находятся на пересечении смысловых пространств, представляя собой синтез культурного и политического, психологического и социального, индивидуального и группового.

В современном мире культурная и национальная идентичность подвергаются изменению, чему способствуют глобализационные процессы: распространение инокультурных влияний с помощью СМИ, Интернета, кинематографа, изобразительного искусства, литературы и музыки, которые содействуют изменению аксиологической конфигурации каждой локальной культуры. С точки зрения постструктуралистской и постмодернистской философии это «ризоматичность»: множественность, нелинейность, неструктурированность, диалогичность, нестабильность.

Большую роль в этой культурной трансформации играют миграционные процессы. В гуманитаристике это явление описывается понятиями «детерриториализация», «номадизация» (французские философы Ф. Гваттари и Ж. Делёз рассматривали номадизм как современную культурную стратегию, а ризоматичность как сущность современной культуры) [7]. Современный номад не привязан к национальному государству, он выстраивает свою культурную идентичность поверх национальных барьеров и придерживается аксиологического плюрализма. «Множественная идентичность номада процессуальна, она представляет собой серии коммуникационных потоков, импульсов, свободно возникающих в процессе своего становления», – пишет доктор философских наук А. В. Шляков [12, с. 11].

Таким образом, нацию формируют не только исторические, политические и экономические условия, но и понимание нации, складывающееся в той или иной культуре и исторически меняющееся. Понимание нации ценностно и культуроспецифично, хотя в процессе взаимодействия культур и распространения идей оно может получить широкое распространение в мировой культуре.

Дискурс о нации определяет ее наиболее значимые черты и цели национального сообщества, то есть выполняет важную идеологическую роль. Представления о нации (например, об истории, культуре, территории), общие ценности, символические практики (такие как язык, флаг, гимн, праздники) становятся основой национальной идентичности. Процессы глобализации актуализируют дискурсивные размышления о нации, национальной и культурной идентичности и ставят новые задачи перед научным сообществом.

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Бенедикт Андерсон ; пер. с англ. В. Г. Николаева ; вступ. ст. С. П. Баньковской. – М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. – 288 с.

2. Аршин, К. Нация / Константин Аршин // Философская антропология. – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 103–116.

3. Бабосов, Е. М. Антропоцентрированность современной социологии / Е. М. Бабосов // Традиции и перспективы развития белорусской социологии: к 30-летию Института социологии НАН Беларуси : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5–6 нояб. 2020 г. / НАН Беларуси, Ин-т социологии ; редкол.: Д. К. Безнюк (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2020. – С. 4–7.
4. Бердяев, Н. А. Национальность и человечество / Н. А. Бердяев // Судьба России / Н. А. Бердяев ; Филос. о-во СССР. – Репр. воспроизведение изд. 1918 г. – М., 1990. – С. 93–101.
5. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / Макс Вебер ; пер. с нем. В. А. Брун-Цехового, Л. Г. Ионина, И. А. Судариковой [и др.] ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. – Перевод изд.: Weber Max. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 5. Revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winckelmann. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. – Т. I : Социология. – 448 с.
6. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / Иоганн Готфрид Гердер ; пер. с нем. А. В. Михайлова. – 2-е изд., испр. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 760 с.
7. Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делёз, Феликс Гваттари ; пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского ; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. – Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. – 895 с.
8. Лукина, А. В. Новые подходы к исследованию национальной идентичности / А. В. Лукина // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 33. – С. 238–246.
9. Печчеи, А. Человеческие качества / Аурелио Печчеи ; пер. с англ. О. В. Захаровой ; общ. ред. и вступ. ст. Д. М. Гвишиани. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 1985. – 312 с.
10. Тишков, В. А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 5. – С. 3–26.
11. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года / Эрик Хобсбаум ; пер. с англ. А. А. Васильева. – СПб. : Алетейя, 1998. – 306 с.
12. Шляков, А. В. Феномен номадизма в культуре постмодерна : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / Шляков Алексей Владимирович ; Тюменский индустриальный ун-т. – Тюмень, 2019. – 46 с.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 21.08.2025.